

Её зовут Когнита. Так она говорила разумным, которых встречала.

Её зовут Когнита. Когда-то её создал и дал ей жизнь Архимаг Зелкир, величайший специалист по созданию големов своей эпохи. А может быть, и вообще когда-либо, ведь Когнита была истиннокаменным големом.

Само это слово говорило о её важности. Истиннокаменные големы, или истиннокаменные конструкторы, как их ещё называли, считаются вершиной големостроения. Ведь пусть Когнита и не была самым сильным големом, которого можно было создать, но у неё было то, чего недоставало другим конструкторам. Личность. Мысли. Чувства.

Возможно, даже душа.

Но кто мог сказать наверняка? Мало кто находил общество големов успокаивающим, несмотря на их полезность. И Когниту боялись не только из-за её природы.

Она убивала магов. Её руки обагряла кровь сотен, возможно, тысяч. И при этом она оставалась покорна, услужлива, вежлива. Поэтому те, кто встречал её, были одновременно и напуганы, и сбиты с толку. Ведь монстр, по их мнению, должен был выглядеть и вести себя как монстр.

Что на самом деле думала Когнита, оставалось загадкой для всех. Её резные глаза всегда наблюдали и оценивали, но по ним ничего нельзя было прочесть. Она видела бесчисленное множество магов. Видела их триумфы и их падения. Сейчас она смотрела на двух студентов.

Одна была полуэльфийкой, другой – человеком. Оба были молоды по меркам своих видов. Когда-то они были друзьями. Голем видела следы былой дружбы даже сейчас, когда они яростно спорили:

— Они ни за что не позволят тебе остаться. Не после того, что ты сказал.

— Они не принимали меня даже до этого, Спрингуокер. С чего бы этим глупцам изменять своё мнение?

— Перестань звать меня Спрингуокер! И ты прекрасно знаешь, что между тем, чтобы не

высовываться, и тем, чтобы тыкать палкой в улей есть большая разница!

Фишес и Церия кричали друг на друга перед Когнитой, что само по себе было редкостью. Мало кто осмеливался повышать голос вблизи голема, но Фишес знал Когниту. Он единственный искал её общества, задавал ей вопросы, желал с ней подружиться с ней.

Церии же было всё равно. Она была близка к тому, чтобы пнуть мага... в очередной раз. Тот отпрыгнул от полуэльфийки, сверля её взглядом.

— Эти обыватели, составляющие так называемый Совет... Они слепы к моим словам, но ты-то, ты-то, по крайней мере, должна быть способна задуматься о значимости моей теории!

— Значимости? Ты хочешь создать нежить, которая может повышать уровень, Фишес! Ты просто идиот! Если тебе это удастся, ты уничтожишь весь мир, но этого не произойдёт, потому что это банально невозможно!

Юноша вскинул дрожащий палец. Он был зол. В нём всегда плескалась злость, а в последнее время ещё и обида. Как и в полуэльфийке. Когнита видела, как ярость и страх сталкивались друг с другом с обеих сторон.

— Это возможно. Теоретически! Разве ты не слушала моё предложение? Если я создам нежить, вплетая в неё заклинания на гораздо более глубоком уровне, чем обычно, – ближе к тому, как создаётся голем, а не оживляется тело, – это может сработать!

— Это идиотизм!

— Что плохого в этой идее? У меня есть все части головоломки... почти. Когнита научила меня формуле, используемой для наделения големов разумностью, разве ты не понимаешь? Одно только это...

— Только ты мог быть настолько глуп, чтобы спрашивать о таком! Когнита...

Пауза. Взгляд полуэльфийки сместился на Когниту, и голем увидела, что красные от гнева щёки Церии слегка побледнели. Она отвернулась, дабы не встречаться с големом взглядом.

— Прошу прощения, Когнита. Но Фишес... ты дурак. Это никогда не сработает. Почему ни один [Некромант] не сделал ничего подобного в прошлом? По двум причинам. Первая – это дурость, а вторая – если нежить получит возможность повышать уровень, то она уничтожит целые народы!

— Я создам только один образец. И это возможно, но только при наличии правильных базовых материалов.

Голос Фишеса был спокоен. Он пристально смотрел на свою бывшую подругу, говоря с убеждённой уверенностью, которая опасно приближалась к безумию. Он тоже поглаживал на Когниту, но взгляд юноши горел. Он смотрел на голема не как на угрозу или нечто, чего следует опасаться, а как на вызов. Как на видение того, что можно создать.

— Для создания големов нужны высококачественные материалы. Сосредоточия маны, камни без примесей... Когнита, если я могу так выразиться о твоей конструкции, является продуктом как высококлассных заклинаний, так и превосходных базовых материалов, из которых она получила жизнь. Так почему бы не применить эту теорию к нежити? Большинство тел – это просто тела. Но если бы существовал способ получить превосходный материал...

— Материал?

Когнита повернулась к полуэльфийке. Та была в ярости. Голем поняла, что разговор окончен. Церия указала дрожащим пальцем на Фишеса.

— Ты... отвратителен. И безумен. У меня больше нет времени с тобой спорить. Если хочешь разглагольствовать о своих безумных теориях, то валяй. Я собираюсь заняться настоящей магией.

После этих слов она ушла. Фишес окликнул её, когда полуэльфийка шагала прочь, но Церия не оборачивалась. Юноша разочарованно обернулся к Когните.

— Мне жаль, что тебе пришлось стать сему свидетелем, Когнита. Прошу, прими мои извинения. Я думал, что смогу убедить Церия с твоей помощью, но она не желает прислушиваться к голосу разума.

Когнита ничего не ответила. Она могла бы сказать Фишесу тысячу вещей, основанных на десятилетиях её опыта и наблюдений. Некоторые из них помогли бы, другие – могли бы полностью сломить юношу. Через некоторое время Когнита приняла решение и заговорила, глядя Фишесу в глаза:

— Она не может принять то, что ты делаешь. А ты не можешь смириться с тем, что она более не считает тебя другом. Возможно, правильным вопросом будет: что для тебя важнее. Дружба или магия.

Фишес потерял дар речи. Через какое-то время он открыл рот, чтобы ответить, но Когнита уже вышла в коридор вслед за Церией.

— Церия Спрингуокер.

Если бы это был Фишес или кто-либо другой, Церия проигнорировала бы оклик или послала бы говорившего куда подальше. Но глубокий голос Когниты, лишённый всяких интонаций, заставил полуэльфийку напрячься во внезапном испуге. Она повернулась, пытаясь скрыть страх в своём сердце.

— Да, Когнита?

— Я полагаю, что Фишес хотел бы, чтобы я выразила извинения от его имени. Однако я не стану этого делать. Я лишь хотела бы поговорить с тобой ещё несколько минут, если у тебя есть время.

Церия сделала паузу. Она всё ещё была зла на Фишеса... нет, она была в ярости! Его выступление в Совете поставило весь Вистрам на уши, и теперь он стал ещё большим изгоем, чем раньше.

Впрочем, это была не единственная причина её гнева. До того дня, когда Ильфрес бросит вызов големам Архимага Зелкира, оставалось всего две недели. И поэтому Церия злилась, боялась и нервничала. Однако она старалась скрыть всё это от Когниты.

Голем была врагом.

— Поговорить со мной? Я... конечно, Когнита. О чём ты хочешь поговорить?

— Меня заинтриговали твои реакции и мысли, которые я услышала. Я была создана, чтобы размышлять и учиться, и эта тема, и ваше обсуждение – интересны мне так, как мало что другое.

Это было необычно. И бесполезно. Церия глядела на Когниту, словно ища в ней слабое место. Но каменная женщина была безупречна.

— Думаю, у меня есть время поговорить.

— Очень хорошо. Спасибо.

Голем замолчала. Спустя несколько секунд неловкости Церия поняла, что Когнита ждёт, когда она заговорит. Полуэльфийка не знала, что сказать. Она уже высказала то, что думала. Фишес обезумел. Его идея была безумной. Но Когнита...

Церия смотрела на голема. Выражение лица Когниты редко менялось, но она помнила, как однажды голем улыбнулась.

— Когнита? Ты действительно научила Фишеса одному из заклинаний Архимага Зелкира?

— Да.

— Почему?

Истиннокаменный конструкт... существо, у которого было имя и разум, сделала паузу.

— Он попросил. И это незавершенное заклинание. Я полагаю, что у Фишеса есть шанс его

завершить. По-своему.

Ещё одно откровение. От этого у полуэльфийки защемило сердце. Одно дело – знать, что Фишес умён, признавать, что он может делать то, что не под силу Церию. Он вне всяких сомнений был гением... но это? У Фишеса есть шанс сделать то, чего не смог сделать Архимаг Зелкир? Так сказала Когнита. Это заставило Церию усомниться в своих гневных словах, сказанных в адрес юноши.

— Ты поддерживаешь его занятия некромантией? Или тебе всё равно?

— Я вижу в его магии нечто сродни тому, что делают маги, формируя големов. Придают они форму мёртвым телам, или глине и камню – мне всё равно. Его идеи меня интригуют и, мне интересно: удастся ли ему осуществить задуманное. Даже для Зелкира единственным творением, которое он смог наделить истинным интеллектом, был голем, созданный из истинного камня, – я. Какой базовый материал может быть эквивалентен этому среди мёртвых?

Церия не имела ни малейшего представления. Но она снова содрогнулась, представив себе ходячую тварь, какого-нибудь зомби с гниющей плотью, способного становиться сильнее. А что, если оно сможет говорить? Что, если оно сможет думать, как Когнита? Говорящая, развивающаяся нежить будет слишком близка к обычному разумному и в то же время неопишимо далека от жизни.

— Я не знаю, сможет ли Фишес это сделать. Но я чувствую, что это неправильно. Это всё, что я могу сказать. Мне очень жаль, но я должна идти.

Она больше не хотела видеть Когниту. Голем кивнула.

— Я оставлю тебя наедине с твоими делами, упомянув напоследок один вопрос. До того дня, когда твой мастер и ещё четверо магов собираются бросить мне вызов, остаётся пятнадцать дней. Полагаю, они все готовы и знают о последствиях неудачи?

У Церию перехватило дыхание. Она уставилась на Когниту, широко распахнув глаза. Откуда голем узнала?

— Это... да. Да, они знают. Мой мастер знает.

Когнита снова кивнула.

— Пожалуйста, сообщи ей, что если она или другие маги пожелают подождать или изменить назначенное время, я буду рада исполнить их просьбу. Спокойной ночи, Церия Спрингуокер.

Она повернулась и направилась прочь. Церия бросила лишь один взгляд на спину Когниты и бросилась бежать.

— Ты сказала Когните, что хочешь бросить ей вызов?

Ильфрес нахмурилась, когда Церия ворвалась в её комнату, захлопнув за собой дверь.

— Кому сказала?

— Когните!

Церия вцепилась в свои волосы. Путь до комнаты Ильфрес она проделала бегом. Женщина пожала плечами.

— Ах, да. Мы ей сказали.

— Зачем?

— Это удобно. Так она точно не будет занята в то время, и мы больше не можем отступить.

— Но, если она знает, она может расставить ловушки. Подготовиться...

— Она не станет. Она никогда этого не делала и не сделает. Но так мы не поднимем на уши всю академию, когда Когнита бросится на верхние этажи.

Ильфрес была слишком спокойна. Она всегда была спокойна. Женщина держала в руках книгу в светло-голубом переплёте, поглядывая то на её страницы, то на Церию. Это была личная книга заклинаний Ильфрес.

— Успокойся. И перестань метаться. Это раздражает.

Церия остановилась и повернулась, уставившись на своего учителя.

— Скажи мне, что вы сможете это сделать.

Ильфрес вздохнула и закрыла книгу. Она уставилась в потолок на несколько секунд, а затем перевела взгляд на Церию.

— У нас есть шанс.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что однажды это уже почти сделали.

— Правда?

Уши Церии дёрнулись. Ильфрес кивнула.

— Одна группа магов почти добилась успеха. Значит, у нас тоже есть шансы.

— Но откуда ты знаешь? Об этом есть исторические записи, или...

— Несколько записей об испытаниях существуют, но нет. Мы можем узнать об этом по одним только големам в зале. Садись. Как это можно понять?

Церия неохотно села. Она поёрзала, а затем высказала единственное объяснение, которое пришло ей в голову:

— Пропавший голем. Тот, которого заменил бронированный рыцарь.

— Именно. Это доказательство.

— Но это только один из пяти големов...

— Нет, это знак. Думай.

Ильфрес вздохнула. Её тон становился всё более жестоким. Она ненавидела давать объяснения, когда думала, что Церия и так должна всё понимать:

— Любой идиот может догадаться. Архимаг Зелкир создал это испытание для всех магов, пытающихся подняться на верхние этажи, так? Он сделал так, чтобы вызов можно было бросать снова и снова, а это значит, что он ожидал, что его четыре голема-хранителя – плюс Когнита – никогда не будут уничтожены. Что они будут сражаться в тандеме и одолевать своих противников, не получая достаточного урона, чтобы выйти из строя.

— Значит, пропавший голем...

— Это знак того, что кто-то нарушил формацию. И почти победил. Потому что, если они смогли изолировать одного из големов на достаточный срок, чтобы его уничтожить, это означает, что они смогли сдержать остальных. Ни от одного из этих големов не избавиться с помощью одного заклинания.

— И это значит, что вы все можете провернуть то же самое... Даже легче, с учётом, что один из големов слабее...

Церия выпрямилась, просияв. Ильфрес спокойно кивнула.

— Мы можем это сделать. Возможность есть.

— Это меня успокаивает. Я разговаривала с Когнитой...

Церия неторопливо объяснила Ильфрес свои аргументы. Магесса закатила глаза, когда Церия закончила.

— Я слышала об этом. Повышающая уровень нежить? Не понимаю, почему все так всполошились.

— Но...

— Это существо ничем не отличается от любого другого разумного, повышающего уровень. Полуэльфы могут жить веками, если захотят, так чем это отличается от нежити? Судя по всему, создать больше одного или двух будет трудно. Если мертвецы выйдут из-под контроля, их можно будет уничтожить. Настоящая причина твоего расстройства в том, что ты ненавидишь некромантию.

Церия закусила губу и ничего не ответила. Ильфрес вздохнула.

— Некромантия - это магия. Я не боюсь твоего друга. Он оживляет мёртвых. Я же замораживаю живых. И я едва ли выгляжу лучше нежити. Ты видела, что скрывается под моей маской. Ты знаешь.

— Это не одно и то же.

— Нет?

Ильфрес вскинула бровь.

— Магия есть магия, и этот мальчик, Фишес, был когда-то твоим другом. Разве то, что он практикует некромантию, что-то меняет?

— Да!

— Тогда, полагаю, вы не были хорошими друзьями. Достаточно.

Ильфрес отмахнулась от возражений Церии и отлевитировала книгу из своих рук к полуэльфийке.

— Изучай заклинание [Ледяного Копья]. Я хочу, чтобы до дня испытания ты хотя бы минимально продвинулась в его освоении.

— Я бы выучила больше, если бы ты позволила мне оставить книгу! Или сделала мне копию! — пожаловалась Церия, склонившись над страницами плотно исписанного текста.

Ильфрес сардонически рассмеялась.

— Скопировать книгу? Я не знаю, как записывать магические заклинания. Для этого нужен специализированный класс, [Магический Писец] или что-то в этом роде. А чтобы записать это заклинание, нужен 40-й Уровень.

— Серьёзно?

Церия нахмурилась. Ильфрес кивнула и начала читать лекцию, пока полуэльфийка слушала одним ухом, не отрывая взгляда от текста:

— Книги заклинаний – редкость, потому что их нельзя скопировать без длительного изучения сильным магом или классом со специализированными Навыками. И написать заклинание может только тот, кому оно само по себе под силу. Таким образом, заклинания 4-го Уровня пусть и редки, но их можно найти в определённых коллекциях книг заклинаний, но вот 6-й Уровень найти будет крайне сложно. А 8-й...

— Как же тогда все изучают заклинания без книг?

— Собирая воедино подсказки, оставленные другими магами, следуя инструкциям на языках, отличных от языка магии, чтобы прийти к заклинанию. Или же повысив уровень и получив его, или придумав заклинание самостоятельно.

— Значит, эта книга заклинаний...

— Она моя.

— А можно мне её...

— Нет.

Две недели растянулись для Церии до бесконечности и при этом прошли в одно мгновение. Каждый день заканчивался эмоциональным и психическим истощением, а каждую ночь полуэльфийка ворочалась от нервов, не в силах заснуть.

Это привело к тому, что она стала активно избегать своих друзей, а они – её. Церия стала вспыльчивой, раздражительной, склонной срываться на всём и вся. Когда она не была с Ильфрес или другими магами, она запиралась в своей комнате.

За три дня до испытания полуэльфийка сидела в своей комнате, едва не сходя с ума от мучительного ожидания. Внезапно она услышала стук в дверь и взвизгнула:

— Входите уже!

Внутри вошел Фишес. Церия снова сорвалась на крик:

— Убирайся!

— Пожалуйста, просто послушай!

Его глаза сверкали, и юноша потирал руки. Он выглядел прямо как раньше, полным жизни и энтузиазма. Церия не могла вынести этой картины, не сейчас, не тогда, когда она так встревожена.

— Фишес, я не в настроении...

— Выслушай меня, просто послушай, я умоляю тебя! Я только что разговаривал с Когнитой...

Это имя было последним, которое Церии хотелось услышать, но Фишес не мог этого знать. Она пыталась просверлить дыру в голове юноши своим взглядом, пока тот возбуждённо говорил дальше:

— Мы с ней обсуждали интеллект, сознание и то, что из всех големов только она ими обладает. Я сказал, что это загадка, почему Зелкир не смог наделить этими качествами других големов, когда она открыла мне вот что! Архимаг Зелкир наделил способностью мыслить только Когниту. Но за прошедшие годы другие големы развили примитивный уровень интеллекта, по крайней мере, коллективный вариант.

Церия просто пялилась на Фишеса, скрестив руки, пытаясь понять о чём тот говорит. Юноша смотрел на неё, практически сияя.

— Разве ты не понимаешь, что это значит? Големы в Вистраме могут мыслить! Точнее, они могут этому научиться! А если такое могут развить они, то почему бы созданию, созданному для этой цели не обладать подобной возможностью? Мы ведь знаем, что дикие гули могут мыслить в примитивном охотничье-хищническом плане, да и другая нежить, вроде повелителей склепов, личей и ревенантов – тоже...

— Я не хочу этого слышать, — резко перебила юношу Церия.

Тот запнулся, изумившись полному злобы взгляду полуэльфийки.

— Я не хочу ничего из этого слышать. Я не хочу слышать о Когните... Я хочу, чтобы ты пошел вон!

Фишес замер. Он отступил назад, а на его лице отразилась обида и боль. Он полуобернулся к открытой двери, словно собираясь выскочить... но затем передумал. Вместо этого, Фишес повернулся к Церии и заговорил умоляющим тоном. Она не хотела слушать, но слова юноши трудно было игнорировать:

— Церия, я не понимаю, почему ты не даёшь мне возможности высказаться. Я пытаюсь доказать свою точку зрения. Я знаю, что у тебя есть возражения против того, что я делаю, но, пожалуйста, послушай! Моя цель не в том, чтобы уничтожить мир или создавать армии, подобно Аз'Керашу. Когда я практикую некромантию, причиной, по которой я начал...

Это было уже слишком. Церия решила прервать Фишеса единственным, что подействует наверняка. Правдой:

— Они собираются бросить ей вызов.

Юноша оборвался, нахмурившись.

— Кто?

Церия знала, что не должна ему говорить. Но теперь плотину прорвало, и она выпустила всё наружу. Высказывание этих слов вслух наполнило её как облегчением, так и ужасом:

— Ильфрес. Джурикс. Бастам. Офелия. Кум. Они все в группе... они тренировались весь год и собираются бросить вызов големам Зелкира, чтобы открыть проход на более высокие этажи.

Полуэльфийка палилась на свои руки, на обкусанные ногти. Краем глаза она заметила, как Фишес тяжело опустился на край кровати.

— Когда?

— Через три дня. Прямо перед обедом.

При этих словах у неё в голе стал ком. Правда была раскрыта. Секрет был высказан, и теперь Церия чувствовала, как он принялся давить на неё даже сильнее, чем раньше. Фишес тихо произнёс:

— Ильфрес и четверо других? Они серьёзно?

Церия кивнула, и Фишес замолчал. Она чувствовала его присутствие рядом с собой. Знакомое присутствие. Успокаивающее.

— Я бы посоветовал тебе остановить их... Если бы думал, что они послушают. Когнита – неизвестная величина. Я считаю, что она сама по себе более чем достойный противник для любого из нынешних Архимагов.

— Да. Возможно, так оно и есть.

Церия прижала колени к груди, слегка покачивалась вперёд-назад. Она кивнула, а затем покачала головой.

— Но они всё равно собираются это сделать. Ильфрес будет сражаться. Я не смогу её остановить. Да я и пытаться не посмею. Она должна это сделать, разве ты не понимаешь, Фишес? Если мы не сможем подняться выше, мы не сможем стать настоящими магами. Вистрам находится в застое. У нас нет настоящих Архимагов, одни подделки! Разве ты не видишь...

— Я знаю, — коротко оборвал её Фишес.

Церия подняла взгляд и увидела, что юноша уставился на свои ноги, сидя на её кровати.

— Я знаю. Вистрам приходит в упадок. Магия не так сильна, как в эпоху до Зелкира. Да, она по-прежнему могущественна, и некоторые могут возразить, что в результате присутствия големов академия стала выпускать больше магов... но я знаю. И я полагаю, что Когнита тоже это знает.

— Она знает?

— Мы говорили об этом. Иногда.

Церия схватилась за Фишеса. Тот дёрнулся, но полуэльфийка потянула его за грязные одежды. Часть плеча и груди юноши обнажились, пока он пытался ослабить смертную хватку Церии.

— Церия...

— Не предупреждай её. То есть, она и так знает, но ничего ей не говори. Она...

— Я не скажу. Даже если бы я это сделал, это было бы не важно. Когнита не станет жульничать. Она ожидает мага, который... Церия, пожалуйста. Я никому не скажу.

Церия медленно разжала пальцы. Фишес поправил мантию, и двое погрузились в молчание. Спустя несколько минут Фишес снова заговорил:

— Спасибо, что рассказала мне. Я ничего не расскажу. Обещаю.

— Спасибо.

— И я надеюсь, я искренне надеюсь, что Ильфрес и остальные одолеют Когниту. Я хочу, чтобы ты это знала, Церия.

— Да.

Они уставились друг на друга. Церия давно по-настоящему не заглядывала в глаза Фишеса. Она внезапно осознала, что тот теперь выглядел старше. За несколько коротких лет он повзрослел, превратившись из позднего подростка в юного мужчину. Его взгляд теперь был старше, более уставшим, более горьким.

Но это всё ещё были его глаза.

Фишес отвёл взгляд первым. Он встал, отряхиваясь, после чего вспомнил, что находился в комнате Церии, и замер.

— Мне нужно идти. Я... мы поговорим позже, Церия.

Он начал уходить, но остановился. Церия схватилась за подол его мантии.

— Не уходи.

Юноша оглянулся, широко распахнув глаза. Церия не сводила с него взгляда. Фишес медленно сел обратно.

— Дверь открыта.

— Да, — ответила Церия, совершенно об этом не волнуясь.

Они с Фишесом сидели вместе у открытого дверного проёма, ведущего в коридор. Часть сознания полуэльфийки говорила ей, что она идиотка, раз выдала все эти секреты, но Церия знала, что по этому коридору мало кто ходит, особенно ночью.

Она так и не встала, чтобы закрыть дверь. Не встал и Фишес. В конце концов, дверь закрылась сама, как по волшебству. Но до следующего утра никто из комнаты не выходил.

В день испытания Церия не могла даже есть. Всё, что предшествовало этому дню, казалось кратким сном, пережитым кем-то другим. А ещё этот день был просто невыносим.

Он был слишком обычным. Слишком спокойным. Слишком...

Мирным.

Это не был праздник. Занятия шли своим чередом, маги собирались в коридорах, сплетничали, как обычно. Они ели в банкетных залах и гуляли так, словно им не было ни до чего никакого дела.

Церия прогуляла все занятия. По правде говоря, последние восемь дней она вообще их не посещала, проводя всё своё время с Ильфрес и другими магами. Сейчас она завтракала вместе с ними... Вернее, смотрела, как они едят, пытаясь проглотить ком в горле.

— Съешь что-нибудь, Церия. Мы не можем допустить, чтобы ты упала в обморок, когда мы будем оттуда выходить.

Джурикс вложил в руку Церии яблоко. Полуэльфийка уставилась на фрукт и позеленела. Дуллахан выхватил его обратно.

— Ладно, не ешь. Я сделаю это за тебя.

— Осторожно, Джурикс, не ешь слишком много. Нам точно придётся много двигаться, — предупредил дуллахана Бастам, жуя овсянку с мёдом.

Его хвост вилял из стороны в сторону быстрее, чем обычно, но в целом он выглядел спокойным. Как и остальные. Но по сравнению с Церией, которая была бледной, словно селфид, кто угодно выглядел бы спокойным.

— Думаю, я вытащу свой желудок, прежде чем мы войдём. Так будет проще, — пробормотала Офелия, накладывая ложкой немного соуса на свой завтрак из яиц и бекона.

Её руки немного дрожали? Она улыбнулась Церии, и внутри полуэльфийки всё скрутило.

— Ба. Вы все ничего не понимаете. Дуллаханы знают, что в день битвы сначала нужно съесть большую порцию, а потом маленькую. Разве не так, Кум?

Джурикс уставился через стол на другого дуллахана. Тот предпочитал есть, положив голову на плечи, что для его народа было странно. Кум кивнул и тихо произнёс:

— Правильный приём пищи – это главное.

Ильфрес зыркнула на них. Завтрак у неё был скудным.

— Главное, чтобы вы от съеденного избавились до полудня. Если вы думаете, что я хочу сражаться рядом с двумя страдающими запором дуллаханами...

Все засмеялись. Это была редкая шутка... точнее, не шутка, раз уж её произнесла Ильфрес, но это было то, что им было нужно. Церия попыталась улыбнуться, но не смогла. Она ерзала на стуле и то и дело проверяла положение солнца через окно. Когда оно окажется прямо над головой, начнётся испытание. Но полуэльфийке казалось, что светило застыло на месте! Она оглянулась на Джурикса, когда тот отвесил шутку, а потом...

Церия словно в тумане вспоминала, как ходила с ними, как слушала их разговоры... а затем внезапно, словно по щелчку пальцев, оказалась перед двумя дверями, ведущими в зал испытания.

Час пробил.

Коридор перед залом был прост. Он был длинным и прямым, а на обоих его концах находились лестницы, по которым разумные могли беспрепятственно двигаться. В середине коридора в каменной стене находились двойные двери – единственный вход на верхние этажи.

Пятеро магов и Церия собрались у дверей, но не в тишине. Каждый из присутствующих сейчас нервничал, и Церия это чувствовала. Но никто не высказывал своего беспокойства. Они шутили, или спокойно стояли, или пожимали друг другу руки. Они собрались перед дверью,

предварительно поговорив с Церией.

Она была их единственным свидетелем. Маги больше никому не говорили, что они хотят сделать, и ни у кого из них не было учеников. Офелия первой взяла Церию за руку и тепло улыбнулась. Швы вокруг её рта натянулись, когда она, к большому удивлению полуэльфийки, поцеловала её в щеку.

— Когда всё закончится, я, возможно, тоже тебя немного подучу. Всё будет по-другому, Церия. Я обещаю. Маги изменятся. Это место изменится.

— Я буду ждать, когда ты ещё раз пожмёшь мне руку, так что никуда не уходи. Это не займёт много времени. — Джурикс крепко сжал руку Церию, глядя ей в глаза.

Она кивнула, будучи неспособной выдать ни слова, ни звука.

Следующим подошел Бастам.

— Знаешь, я видел твой экзамен. Я тогда подумал, что ты смелая, отважная и дерзкая. Ещё я подумал, что мы, все старые маги, такое забыли. Сегодня я покажу тебе, что это у нас ещё осталось.

Дрейк направился дальше, и рядом оказался Кум. Дуллахан отвесил глубокий поклон, а затем выпрямился, окинув её торжественным взглядом.

— Удачи нам всем.

Последней шла Ильфрес. Они с Церией встали в стороне от остальных, когда маги начали произносить заклинания. Заклинания защиты, заклинания для улучшения физических параметров или для защиты от атак. Ильфрес не произносила никаких заклинаний. У неё всё было активировано заранее.

Стены коридора уже покрылись ледяной изморозью. Церия начала неконтролируемо дрожать и трястись, пока температура вокруг Ильфрес продолжала понижаться. Других магов это не затрагивало: у них у всех были артефакты, защищающие от холода, но у Церию их не было.

Ильфрес смотрела на свою ученицу без всякого выражения на лице, но затем позволила льду изогнуть свои губы в улыбке.

— Похоже, мне нужно усилить твои тренировки, если ты так трясёшься только от этого. Напомни мне, как только я выйду.

Церия попыталась улыбнуться, но её губы отказывались двигаться. Ильфрес уставилась на двойные двери, и полуэльфийка ощутила, как мороз вокруг неё стал только сильнее. Холод сковывал и тяготил, однако голос магессы, когда она продолжила говорить, был лёгким:

— Если бы я была авантюристкой и если бы я несколько лет ходила по миру, сражаясь с монстрами и заглядывая в подземелья, то, может быть, мне бы сейчас не было так страшно.

— Что?

Женщина обернулась к Церии, улыбаясь.

— Я выросла в Вистраме. Я провела здесь всю свою жизнь. Но, возможно, даже если бы я вышла в мир и приобрела больше опыта, то мне было бы всё равно страшно. В этом мире существуют чудеса и ужасы, Церия, отголоски тех времён, когда ещё жили боги, воспоминания о давно ушедших империях. За дверями – одно из них. И сегодня мы бросим вызов могуществу одного из истинных [Архимагов] Вистрама.

— Я знаю, что у тебя всё получится. Я знаю это.

Ильфрес только улыбнулась. Она положила руку на плечо Церии, и полуэльфийка вздрогнула. Женщина заглянула в глаза своей ученице и прошептала:

— Запомни, что будет дальше, Церия. Будет всё хорошо или плохо – это не важно. Трагедия или триумф – одно и то же. Сегодня ты заглянешь в самое сердце магии.

Она улыбалась. Рука женщины холодила плечо полуэльфийки. Она была холодной, но не

ледяной. Лёд на стенах вокруг Ильфрес всё утолщался пока она продолжала смотреть в глаза Церии.

— Это магия.

Затем она отвернулась. Джурикс подошёл к дверям и посмотрел налево и направо. Слева от него стояла Ильфрес, за ней – Кум, а справа Бастам и Офелия.

— Готовы?

Все кивнули. Джурикс перевёл дыхание и положил руки на двойные двери. Он толкнул их, и они распахнулись.

Все пятеро магов, как один, шагнули в зал, находящийся за дверью. Церия тоже сделала шаг, но дальше идти не решилась.

Големы Зелкира ждали. Церия заметила пять фигур, стоявших на другом краю зала. Голем из раскалённого камня. Металлический жнец, стоящий в молчании. Рыцарь-гигант из металла. Тёмная тварь, уже тихо перебегающая через зал, тяжело дыша.

И Когнита, гордо стоящая с распростёртыми руками на фоне обсидиановых дверей.

Приветствующая претендентов.

Затем двери захлопнулись, и Церия больше ничего не видела. Она больше ничего не слышала.

Испытание началось, и ей оставалось только ждать. Если бы боги существовали, Церия бы молилась. Но она могла только надеяться.

Казалось, что после того, как двери закрылись время остановилось. Церия пялилась на них, а затем задумалась, что ей делать. Сесть? Нет... она хотела стоять, когда все выйдут.

Но сколько времени это займёт? Церию внезапно поглотил этот вопрос. Она дрожала от холода, пялясь на двойные двери. Из-за них не доносилось ни звука. Она не могла понять, что происходит. Она могла только предполагать.

Что там произойдёт в первую очередь? Заговорит ли Когнита перед началом битвы, даст ли магам последний шанс повернуть назад? Может, заговорят Ильфрес или другие? Она была не из тех, кто произносит речи, но Джурикс может что-то сказать, или Бастам.

Сколько времени всё займет, если они так поступят? Или... что, если бой начался сразу же, как только маги вошли в зал? Всё закончится через несколько секунд?

Нет, разумеется, нет. Как бы то ни было... Ильфрес замедлит големов с помощью льда. Она создаст барьеры. Убить её и остальных в одно мгновение будет невозможно. Они уже наложили на себя защиты и были готовы к бою.

Сколько же времени потребуется, чтобы уничтожить големов? Церия гадала, дрожа перед дверью. Лёд, порождённый присутствием Ильфрес, всё ещё покрывал стены, не позволяя Церии перестать ёжиться.

Когда же всё закончится? Нет... когда же маги выйдут? Ведь они ещё могут взять время на отдых после битвы. Церия попыталась подсчитать, сколько времени это займёт.

Магические битвы редко бывают затяжными, но не в этом случае. Значит... пять минут? Нет, слишком мало. Десять? Двадцать?

Церия ждала. Она считала минуты, пытаясь облечь свой страх в числа. Спустя пять минут она почувствовала облегчение. Или она попыталась убедить себя в том, что ей стало легче.

Пять минут было слишком мало. Если бы всё закончилось через пять минут, это означало бы, что они...

Нет, нет. Не пять. Очевидно, нет. Тогда десять? Это всё ещё казалось слишком быстро. Или это было слишком долго? Десять минут, в течение которых все маги бросают в големов свои лучшие заклинания?..

Спустя десять минут страх в животе Церии превратился в шипы, которые пытались прорваться наружу. В голове полуэльфийки поселился маленький голосок. Это уже слишком долго. Слишком. Разве она не заметила бы что-то, не увидела бы каких-то изменений, если бы какой-то из големов пал? Если тишина стоит так долго, значит...

Нет, нет! Ильфрес – эксперт по затяжным сражениям. Время играет ей на руку. Церия не переставала себе это повторять. Она скуёт големов льдом, создаст укрепления, через которые им придётся пробиваться. Долгое ожидание им на руку... возможно, им приходится изматывать металлического рыцаря-голема или Когниту. Это не значит...

Кап.

Это был слабый звук, но до этого в коридоре стояла абсолютная тишина. Церия вздрогнула. Она увидела, как с потолка упала одинокая капля воды. Она разбилась о каменный пол, и полуэльфийка подняла взгляд.

Лёд на стенах таял. Лёд, созданный Ильфрес начал таять, медленно собирая конденсат в капли, которые принялись падать вокруг Церии. Несколько капель упали рядом, а затем одна попала полуэльфийке на шею.

Церия дёрнулась, словно её ударили. Она вернула свой внимание к двери, стараясь игнорировать тающий лёд. Но тот продолжал таять, воды становилось всё больше и больше по мере того, как холод ослабевал. По стенам начали стекать ручьи.

По каменному полу растекалась холодная лужа. Церия пялилась на дверь, пока последний лёд превращался в воду. Минуты продолжали идти... времени прошло уже слишком много. Полуэльфийка почувствовала, как вода коснулась её ботинок...

И она поняла.

Но она говорила себе, что это не так. Церия лгала себе, обещая своему быстро бьющемуся сердцу, что двери откроются в любой момент и оттуда выйдут Ильфрес и остальные, избитые,

но живые и счастливые. Они не могут быть мертвы. Это невозможно.

Но вскоре страх в её сердце перешел в плохо подавляемую панику. Церия хотелось кричать, но не решалась. Она хотела бежать, но бежать было не к кому. Ложь в её сознании превратилась в нечто иное. Пока двери не открыты, они живы. Пока двойные двери закрыты, значит, они продолжают сражаться. Они всё ещё...

Двери распахнулись. Церия сделала шаг назад и едва не поскользнулась. Она моргнула, желая увидеть перед собой Ильфрес, Джурикса, Офелию, Бастама и Кума...

Но из-за дверей вышла Когнита, чьё каменное тело было целым и невредимым. Церия уставилась на неё...

И её сердце разбилось.

Голем увидела стоящую в коридоре полуэльфийку и остановилась. Она уставилась на Церию, не произнося ни слова. Наконец, спустя, казалось, целую вечность молчания, Церия перевела взгляд на двери.

— Они... они...

Она спрашивала, хотя и так знала ответ. Когнита кивнула и тихо произнесла:

— Они провалили испытание. Они мертвы.

— Это неправда.

Церия направилась к дверям. Она не могла в это поверить. Этого не могло быть. Когнита не могла находиться здесь без единой царапины. Она должна быть разбита, уничтожена. Она не могла быть...

— Церия Спрингуокер. Я бы посоветовала тебе не заходить внутрь.

— Отпусти меня!

Церия попыталась оттолкнуть заградившую путь руку Когниты, но голем была недвижима. Полуэльфийка вырвалась из захвата и побежала к дверям, когда голем отпустила её. Она отчаянно надавила на створки, чувствуя, как они поддаются...

Церия распахнула двери и уставилась на то, что лежало за ними.

Фишес услышал крик и всё понял. По правде говоря, он уже тридцать минут назад знал, чем всё закончится. Ещё до того как маги вошли в зал.

Всё дело было во взгляде Когниты.

В них скрывалась маленькая подсказка, но юноша знал, куда смотреть. Он долго общался с Когнитой. Он видел, как менялось её лицо. Совсем немного, но её выражения менялись в зависимости от того, что она чувствовала. И, как ни странно, големы были плохими лжецами.

У Когниты были чувства. Она могла испытывать страсть к чему-то, и он видел, как менялись её глаза, когда он говорил о своих амбициях: о том, как с помощью магии можно достичь того, чего раньше никто не пытался совершить. Он видел искру в её глазах.

Но он не видел её, когда она входила в зал. Она знала, чем закончится битва. Она сопоставила свои силы с противником и безошибочно поняла, что произойдёт.

Если бы Фишес мог, он бы остановил пятерых магов. Он едва не прервал своё заклинание [Невидимости], чтобы попытаться это сделать, но заглянув им в глаза он понял, что их не остановить. Они все его видели, юноша был в этом уверен, и им было всё равно на его присутствие. По его лицу они явно поняли, каковы их шансы.

Но они всё равно шагнули вперёд, потому что не могли повернуть назад. Потому что они были

настоящими магами.

И теперь они были мертвы. А Церия...

Он увидел, как Когнита вынесла полуэльфийку из зала. Та боролась с големом, била её, произносила заклинания, но Когнита всё игнорировала. Фишес слышал голос Когниты, которая говорила Церкви, что если полуэльфийка войдёт в зал и будет сражаться с големами, то её убьют. Он также видел, как голем повернула голову при этих словах, и понял, что они предназначались и ему в том числе.

Фишес не мог продолжать смотреть на Церию, когда та рухнула на пол. Вместо этого, он скользнул прочь, увидев, как группа из пяти меньших големов вошла в зал и вышла из него с небольшими сумками хранения. Он знал, что они делают.

Он знал, куда они несут павших.

Маги в Вистраме умирали. Не так часто, как можно было бы подумать, но достаточно, чтобы это не было редкостью. Неудачные эксперименты, неудачные дуэли, простые самоубийства или несчастные случаи, например, падения с лестницы...

И, конечно же, к числу мёртвых добавлялись те, кто не провалил испытание. Фишес шёл за големами, замечая, как мимо них проходят другие студенты, не обращая внимания на то, что несут големы. Для большинства магов они были словно мебель.

Но у големов было предназначение, и они выполняли самые различные задачи. Например, погребение мертвецов.

Катакомбы Вистрама были обширны, темны и недоступны для Фишеса. Точнее, они были закрыты для всех студентов, но для него особенно. У входа постоянно стояли два голема-доспеха, что было отголоском тех времён, когда останки мага могли быть уничтожены его врагами.

Но останки недавно умерших отправлялись в другое помещение, где големы запускали процесс разложения. Вниз спускались только кости.

Фишес проскользнул в помещение незаметно для пяти големов. Он увидел, как они выгружают содержимое сумок на каменные плиты. Комната была пуста, если не считать одного мёртвого студента. Фишес увидел труп со слишком бледной кожей и понял, что один из селфидов, должно быть, по какой-то причине бросил тело.

Значит, шесть трупов. Фишес тихо вздохнул, увидев останки магов, которые ещё час назад были живы.

Ильфрес, Бастам, Джурикс, Офелия и Кум. Не все были узнаваемы. Не все были... одним куском. Големы склонились над телами, подняв руки. Фишес с нездоровым восхищением понял, что они собираются разбирать тела без инструментов, только грубой силой и твёрдыми пальцами.

На мгновение молодой человек замешкался. Он неуверенно переступил с ноги на ногу, когда один из големов потянулся к лицу Бастама.

— Это неправильно. Это несправедливо. Но это должно быть сделано. Поэтому. Восстаньте.

Тела дёрнулись и ожили. Големы замерли, не понимая, что делать, когда два из шести трупов в комнате медленно начали подниматься. Фишес почувствовал, как магия покидает его, и зашатался. Он выпил небольшую бутылочку с зельем, находящуюся у него под рукой, и снова произнёс заклинание. Мана в его теле пылала, выходя за пределы тела, но затем на ногах оказались шесть трупов.

Это были не зомби. Не гули и не прочая мелкая нежить. Пылающие глаза и пламя в пустых глазницах смотрели на Фишеса, пока он смотрел на шестерых личей: магов, ступающих по земле после смерти.

Это были личи, да, но более могущественные, чем их костяные собратья. Те были давно погибшими заклинателями, оживлёнными магией. После смерти этих шестерых магов прошло так мало времени, что они превосходили по силе как обычных личей, так и вихтов. Они были настолько близки к ревенантам, насколько Фишес мог их сделать.

Големы повернулись к нежити. Они не понимали, что происходит, но у них был приказ. Один из них протянул руку к тому, что когда-то было Ильфрес.

— Сражайтесь.

Голем завалился назад, когда ему в грудь влетел кулак. Фишес услышал треск камня и увидел, как хрупкие руки Ильфрес смазались от скорости её движений. Она прыгнула на голема, причём быстрее, чем юноша когда-либо видел, чтобы она двигалась при жизни. Фишес увидел, что остальные големы начали сражаться, реагируя на угрозу.

Но конструкты были слишком медлительны. Фишес позволил нежити сбить големов с ног, но не стал ждать пока их добьют. Вместо этого он повернулся и побежал к двери.

— За мной!

В Вистраме поднялась суматоха. Фишес бежал вниз по ступеням, пока за ним эхом отдавались крики и вопли. Шестеро мёртвых магов следовали за ним, не издавая ни звука.

Юноша надеялся, что его продвижение по коридорам пройдёт незамеченным, но вокруг было слишком много студентов и магов. Однако они всё же добрались до катакомб. Фишес тяжело дыша спрыгнул с последней ступеньки.

Впереди показался туннель, ведущий к воротам, которые охраняли две огромные фигуры. Бронированные рыцари-големы. Они преграждали путь. Фишес указал пальцем, и его нежить рванула к големам. Те среагировали быстро, подняв мечи и щиты и ринувшись в бой.

Фишес проигнорировал обе стороны. Он бежал вперёд, используя [Мерцающий Шаг], чтобы уклониться от одного из големов, который попытался разрубить юношу, когда тот приблизился. У некроманта была только одна цель: сломать замок на воротах и пробежать через них.

В катакомбах было темно. Фишес видел сияние чар, призванных предотвратить восстание мёртвых, отнимая у них ману. Он пробежал мимо саркофагов, альковов в стенах, гробов и погребальных урн, судорожно ища.

Оно должно было быть здесь. Он знал, что это здесь. Все книги говорили...

Там. Фишес наткнулся на открытый коридор и увидел гробницу. Она представляла собой тёмную, толстую каменную плиту, накрывавшую каменное ложе. На крышке была лишь одна светящаяся строчка текста, написанного на древнем языке. Фишес не мог его прочесть, но он и так знал, что там написано.

Это место упокоения Архимага Нехрет, одной из истинных [Архимагов] Вистрама. И единственной, кто был похоронен в Академии. Остальные умерли в других местах, или не оставили после себя тел, или, по крайней мере, костей.

Но Нехрет... Фишес, спотыкаясь, подошёл к каменной крышке и изо всех сил навалился на неё. Тяжелый камень не поддавался. Только когда четыре оставшиеся мертвеца подбежали к нему и толкнули, крышка с грохотом упала на землю.

Фишес знал, что ему нужно торопиться. Он знал, что до прихода магов или големов, защищающих это место, остались считанные минуты. Но у него перехватило дыхание, когда он увидел пожелтевшие кости и ухмыляющийся череп Архимага. Это было всего лишь тело. Всего лишь останки.

Но кости всё ещё пылали силой. Фишес протянул к ним дрожащие пальцы и тут-же опомнился. Он достал маленький мешочек хранения, который украл у големов, и протянул руку, чтобы взять кости.

Но стоило пальцам Фишеса коснуться пожелтевших останков, как он почувствовал, что мир сдвинулся. Юноша выругался и растерянно огляделся по сторонам. Затем он понял, что почувствованная им магия исходила от каменного гроба.

Из него что-то поднималось. Фишес в ужасе закричал, заталкивая кости в мешочек хранения. Он попятился прочь, нежить образовала вокруг него стену, и тут в воздухе возникло что-то.

Из темноты вынырнула тень, чернее самой тёмной ночи. Из-под гроба полезло ещё больше... тварей. Они устремились вверх, принимая полу реальные, иллюзорные образы.

Один из призраков выхватил чёрный меч. Клинок светился в темноте... вернее, он заставлял темноту вокруг себя сиять. Он излучал противоположность света, тень, способную рассеять

солнечный луч.

Остальные вызванные существа тоже медленно доставали оружие. Они были нежитью или, возможно, чем-то большим. Фишес думал об этом уже убегая прочь, оставив тела бывших магов позади, дабы выиграть себе секунду времени. Он выпустил на волю последнее проклятие Нехрет, предназначенное для тех, кто разграбит её гробницу.

Он должен был это предвидеть. Но Фишес не думал. Он только знал, что это его шанс. Теперь он бежал, а за ним летели призраки, крича голосами, от которых его выворачивало наизнанку. Юноша использовал [Мерцающий Шаг], чтобы взлететь вверх по лестнице.

Нежить вырвалась из катакомб, когда вечер переходил в ночь. Ученики Вистрама и маги услышали их крики и бросились в бой. И големы, и маги внезапно принялись сражаться с тёмными призраками в коридорах, аудиториях и банкетных залах, борясь за свою жизнь.

Церия сидела перед дверями, ведущими в зал с големами, не отрывая взгляда от сворок. Она сдерживала себя, чтобы не войти. Она хотела. Ей хотелось умереть.

Её мастер мертва. Остальные тоже мертвы. Они умерли, а големы остались. Все они. Каждый из них был цел, каждый из них стоял. Церия не могла этого вспоминать... она видела их лежащими на полу...

Воспоминание было слишком ужасным, чтобы задерживаться в её сознании, но Церия знала, что видела четырёх големов до того, как Когнита оттащила её назад. Может, они и были повреждены, но все уцелели.

Они всё ещё были там. А маги... её друзья... Ильфрес.

Все мертвы.

Церия хотела войти в тот зал. Она хотела пустить заклинания в ход, сражаясь хотя бы несколько секунд. Она знала, что умрёт. Но она хотела доказать, что Ильфрес её научила.

Доказать, что она была права. Что она сделала всё это не зря.

Всего этого просто не могло быть. Церии просто снится кошмар. Она вот-вот проснётся, вскочит на своей постели. Это всего лишь дурной сон.

Но это была реальность. И пусть Церия сидела в этом коридоре уже часами, желая, молясь, но реальность отказывалась меняться.

В конце концов Церию заставил поднять взгляд кто-то другой.

— А. Ты ещё жива?

Это был голос, которого Церия никогда до этого не слышала. Полуэльфийка подняла голову и увидела стоящую над собой Америс. Америс – Спокойный Цветок Поля Битвы. Одну из Королевской Семёрки.

— Уходи.

Женщина смотрела на Церию, пока полуэльфийка цеплялась в свои руки с такой силой, что на коже появились синяки. Америс бросила взгляд на двери.

— Ну что ж, Ильфрес больше нет, да? Жаль. Мне будет её не хватать на утренних тренировках. Она всегда была лучшей в создании мишеней.

Такие непринуждённые слова – простое признание всего того, что Церия отрицала, было для полуэльфийки слишком. Она вскочила на ноги.

— Заткнись! Заткнись!

Америс спокойно смотрела на Церию. В её взгляде не было ни веселья, ни презрения, но было там что-то холодное, словно лёд Ильфрес.

— Она мертва.

— Нет, она...

Церия не могла лгать. Но она не хотела говорить правду. Америс окинула её взглядом и покачала головой.

— Знаешь, она говорила мне, что сегодня бросит големам вызов. Она просила меня не дать тебе покончить с собой, если она потерпит неудачу.

— Что?

Полуэльфийка в шоке уставилась на Америс. Женщина кивнула.

— Я бы пришла раньше, но подумала, что ты уже либо в том зале, либо мертва, либо просто погрязла в страданиях здесь.

— Но она... она не думала, что... она собиралась...

— Изменить Вистрам?

Америс тихонько фыркнула. Церия поперхнулась, и из её глаз снова потекли слезы. Америс оглянулась на двери и тихо вздохнула.

— Возможно, она бы и изменила. Но Когнита оказалась слишком сильна, не так ли? Если бы я согласилась помочь, мы бы, наверное, обе погибли. А может, и нет. Мы никогда не узнаем.

— Она просила тебя помочь?

— О да.

Женщина кивнула, встретив полный ужаса взгляд Церии.

— Я сказала ей «нет».

— Почему? Она просила тебя, и ты сказала «нет»? Ты... ты трусиха! Если бы ты помогла ей...

Церия начала кричать на Америк. Женщина вновь покачала головой, не обращая внимания на беспомощную ярость полуэльфийки.

— Это было слишком рискованно. Я сказала Ильфрес, что, если есть шанс, что я умру, то рисковать не стану. Я говорила ей подождать, пусть даже ещё десять лет, и бросить големам вызов превосходя их по численности в десять раз. Оказалось, что я была права.

— Она была храброй! Она была настоящим магом! Она, Джурикс, Бастам и другие... они были храбрыми. Ты же знаменитый маг! Почему ты не пошла? Испугалась? Неужели все слуги Короля Разрушения такие трусы?

Только когда во взгляде Америк вспыхнула ярость, Церия вспомнила, с кем она разговаривает. С живой легендой, равной любому Именному Авантюристу. Америк ответила тихо, но её голос был преисполнен едва сдерживаемой... страстью:

— Я - трусиха? Полагаю, это справедливо. Но если я и трушу, то только ради своего Короля. Не пойми меня неправильно, полуэльф. Я бы пошла в тот зал и бросила вызов големам самолично, если бы это было для Флоса, моего господина.

— Почему?

Магесса отвернулась от Церии, и когда она оглянулась через плечо, то в её взгляде было что-то такое, что напоминало взгляд Ильфрес.

— Потому что он - Король, ради которого стоит быть трусом. Потому что однажды он вернётся. Не сомневайся, когда-нибудь я встану рядом с ним, и мы вместе бросим големам вызов. Мы

пройдём за эти двери и увидим высоты магии. Но до тех пор я буду делать всё, что в моих силах, чтобы дожить до того дня, когда он позовёт меня к себе.

На это Церия ничего не могла ответить. Она смотрела на Америкс, и по её щекам текли слёзы. Женщина отвела взгляд, качая головой.

— Я жду того дня. Такое долгое ожидание тяжело, но он того стоит. Мой господин, Флос... К тому же тут и так предостаточно опасностей, с которыми нужно сражаться.

— Что ты...

Только теперь, когда Церия как следует всмотрелась в Америкс, она увидела порез на ноге женщины. Что-то прошло сквозь магическую одежду и впилося в плоть. Рана была туго перевязана марлей.

— Ты ранена.

— Да, ранена.

— Что случилось?

Женщина взглянула на Церию с тенью жалости во взгляде. Но не более чем с тенью. Она указала на лестницу.

— Сама посмотри.

По итогу погибших было меньше шестидесяти. Меньше шестидесяти, но в два раза больше раненых, в том числе тяжелораненых. Церии, спускавшейся по ступеням и шедшей по коридорам в оцепенелой тишине, казалось, что весь Вистрам стал отражением смерти наверху.

Тени, вызванные заклинанием Нехрет, пронесли по Вистраму, но их целью не был Фишес. Они набрасывались на вообще всё живое, что попадалось им под руку. Не готовые к такому маги и студенты всё равно отбивались, но многие их заклинания банально не действовали на магические творения.

Если бы не Когнита, если бы не големы, Архимаги и старшие маги, как позже узнала Церия, то жертв было бы гораздо больше. Большая часть теней и фантомов залетела в банкетный зал во время ужина, и именно там разгорелась самая ожесточённая битва.

Погибло всего шестьдесят разумных. Но один из этих шестидесяти лежал на полу банкетного зала, среди опрокинутых столов и растоптанных блюд и напитков. Он упал посреди галлопа, вскинув руки, в одной из которых до сих пор была зажата палочка.

Его лицо не было спокойным. На нём навсегда застыло отчаянное, яростное выражение. Церия смотрела на тело Кальварона и заглядывала в глаза Беатрис, пока дуллахан держала его.

— Это твоя вина, — сказала она Церии, когда на пол рядом с Кальвароном села Монс.

Церия не знала, что на это ответить.

— Что случилось?

— Фишес.

Беатрис отвернулась. Церия продолжала пялиться на Кальварона, пока дуллахан не прогнала её криком прочь. Полуэльфийка ушла, что-то бормоча в ответ разумным, которые спрашивали, не ранена ли она. В какой-то момент Церия увидела Когниту, которая организовывала големов, помогая им собирать павших.

Она видела Фишеса всего один раз. Юноша был заключён в магическую клетку, охраняемую големами, призванными защитить его от разъярённых магов и студентов. Фишес смотрел в землю, а лицо его было бледным. Церию он не видел.

Той же ночью был объявлен суд и продолжался он до следующего дня. Обвинения были

просты. Фишес украл кости одного из Архимагов. Он разграбил гробницу Архимага Нехрет и тем самым обрушил на академию её заклинание возмездия. Все погибшие – его вина.

Наказание было столь же простым. Мнения Совета разделились и многие требовали изгнания. У Вистрама не было тюрьмы. Остальные же требовали смертной казни.

Церия наблюдала за ходом процесса, видела возмущение на лицах окружающих её разумных. Полуэльфийка пребывала в оцепенении. Весть о том, что произошло наверху, распространилась особенно после того, как стало известно, чьи тела оживил Фишес для проникновения в катакомбы. Произошедшее наверху было трагедией само по себе, но маги направили своё потрясение в гнев на Фишеса.

В ту ночь прозвучало множество голосов, выступавших за казнь юноши. Некоторые маги остались в стороне, выступали против смертной казни, потому что это запятнает репутацию Вистрама и это неправильно в наше время, да и потому что у них не хватит на это духу. Но ни один из них не сочувствовал Фишесу. Тот продолжал держать голову опущенной, пока студенты и маги выкрикивали обвинения в его адрес.

На трибуне выступила Беатрис, а затем Монс. Она не стала отстаивать невиновность Фишеса. Девушка просто сказала Совету, что не имеет ни малейшего представления о происходящем, и попросила наказать юношу. Монтресса не сказала, каким должно быть наказание. Она лишь смотрела на Фишеса так, словно видела его впервые.

Последней на трибуну вышла Церия. Когда она встала, в зале воцарилась тишина. Маги знали, что она была ученицей Ильфрес. Они знали, что она была там, в то время как они бросили вызов Когните и другим големам, и когда двери открылись. Фишес использовал именно тело Ильфрес и других павших магов. Они ждали, когда Церия нападёт на некроманта. Полуэльфийка гадала, станут ли они её останавливать, если она попытается его убить.

В сердце Церию царил пустота. Полуэльфийка искала внутри себя свою душу, но не нашла её. Она осталась наверху, в коридоре, застывшем во времени, где стены покрывал иней. И когда Церия предстала перед Советом, она высказала то, что было в её сердце.

— Церия Спрингуокер.

Архимаг Феор, герой её народа, глядел на Церию с сочувствием. Та в ответ глядела в пустоту.

— Ты дольше всех знаешь мага, известного как Фишес. Тебе он, пожалуй, причинил вреда больше всех. Есть ли что-нибудь, что ты хотела бы высказать Совету касательно его судьбы?

Церия обвела взглядом августейшее собрание лиц, глядящих на неё со всех сторон. Она медленно кивнула. Когда полуэльфийка заговорила, голос её был тих, но его усилили заклинания, так слышно её слова было всем:

— Есть кое-что. Если бы мой мастер... если бы Ильфрес узнала, что Фишес сделал с её телом... она бы рассмеялась. Она бы смеялась, и ей было бы всё равно.

В зале воцарилась тишина. Маги, переговаривающиеся между собой, затихли, когда Церия продолжила:

— Фишес? Я знаю его. Он был моим другом. Когда-то. Я ненавижу его за то, что он сделал с моим мастером; за то, что он сделал с остальными. Я ненавижу его так сильно, что думаю, что готова его убить. Но ещё больше я ненавижу всех вас.

Она обвела пылающим взглядом зал.

— Вы знали, что они собираются бросить големам вызов. Вы знали. Они просили вас – каждого из вас – к ним присоединиться. Вы все отказались. Поэтому им пришлось идти одним, всего пятерым. Если бы их было шестеро или десятеро... они могли бы выжить. Но они пошли одни, потому что все остальные – трусы.

Шок. Гнев. Для Церики это было не важно. Она вновь обвела взглядом зал и обратилась к Совету Вистрама, назвав их в лицо теми, кем они являются.

— Вы все трусы. Боязливые, маленькие, живущие в тени големов. Вы никогда не найдёте истинной магии, не здесь. Не до тех пор, пока Когнита и големы являются истинными правителями этого места. Я ухожу... я не останусь здесь, скрывая правду. Пока големы живы, в Вистраме нет настоящих магов. Никого, кроме тех, кто умер.

Она повернулась и пошла прочь. Ей вслед кричали голоса, но Церия была к ним глуха. Она села и стала смотреть, как Совет восстанавливает порядок и начинает голосовать.

Но тут в зал без предупреждения вошел ещё кое-кто. И вошедшая принесла с собой тишину.

Когнита. Она встала перед Советом. На её руках была смерть магов, но на безупречной каменной коже не было видно ни следа этого. Она оставалась всё такой же совершенной, выточенной из камня. Бессмертной. И она говорила за Фишеса.

— Я прошу вас не голосовать за казнь этого юного ученика.

— Почему? — спросил Феор.

Церия посмотрела на него и увидела в его глазах отголосок того самого страха. Он был виден в глазах всех магов. Они смотрели на Когниту и видели то, что не могут превзойти, чему не смеют бросить вызов. Она спокойно обращалась к Совету, и её голос без всякой помощи разносился на весь зал:

— Это будет несправедливо. В истории Академии были и другие маги, чьи неудачные эксперименты уносили гораздо больше жизней. Были и другие студенты, совершившие более тяжкие преступления и чьим наказанием стало исключение. За настоящие ошибки, совершённые студентами, смертный приговор никогда не выносился. Я выступаю за изгнание, а не за смерть. Если вы выносите приговор, то пусть он будет вынесен за то, что он сделал, а не за то, кем он есть. Некромантия – это не грех.

Феор пристально уставился на Когниту.

— А что ты будешь делать, если мы проголосуем за его убийство?

Голем спокойно ответила:

— Ничего. Моя роль – защищать и служить Вистраму и тем, кто в нём живет. Но если вы решите его казнить, я стану ожидать, что с этого момента вы будете убивать каждого студента, который совершит подобные ошибки.

Маги зароптали, когда она ушла. Фишес поднял голову, взглянув голему вслед. Он увидел, что Церия на него смотрит, и отвернулся.

В итоге Совет несколько часов спорил, но всё же вынес приговор. Голосов было почти поровну, но тех, кто проголосовал за изгнание, оказалось немного больше. Феор, с презрением глядя на Фишеса, вынес решение:

— За твои преступления мы изгоняем тебя. Ты не смеешь больше ступать на берега Вистрама под страхом смерти. Также по всему миру будет разослано слово о твоих деяниях. Ни один настоящий маг Вистрама не станет иметь с тобой дел.

Юноша не поднимал глаз. Взгляд Феора обратился к Церии и смягчился.

— Что касается тебя, Церия Спрингуокер. Ты тоже должна уйти. Собери свои вещи. Вы покинете Вистрам со следующим кораблём.

За то время, что Церия провела бесцельно бродя по Вистраму, и за день её отъезда произошло несколько событий. Полуэльфийка подверглась нападению Беатрис за то, что она, по мнению дуллахана, защищала Фишеса. Церию спасла Монс. Также полуэльфийка стала изгнанницей среди других магов, и никто из них с ней не разговаривал.

Но один маг о ней всё же подумал, вернее, о её мастере. Америс встала перед дверью, которая всё ещё была покрыта инеем, и подёргала за ручку. Толку это не принесло.

В конце концов, Америс не стала ждать, пока принесут ключ, и выбила дверь. Грохот привлёк внимание студентов. Они отступили, увидев, как женщина вышла из комнаты, держа что-то в руках.

— Вот. Отдай это Церии Спрингуокер.

— Я?

— Отдай. Или я узнаю.

Америс сунула книгу заклинаний морозно-голубого цвета в руки одному из студентов в толпе. Тот поначалу отшатнулся, но под пристальным взглядом женщины всё же взял книгу дрожащими руками. Америс ушла, не оглядываясь.

Несчастный дрейк застыл в нерешительности с книгой в руках. Он направился по коридору, но до комнаты Церии он так и не дошёл.

В коридоре его остановил молодой человек с друзьями. Дрейк и они принялись спорить. Из одной в руки в другую перекинулось золото, а затем секреты. В конце концов, книга ушла к человеческому юноше.

Шарль де Тревалье прошел через Вистрам, поднялся наверх, на балкон, где когда-то Церия сидела с Ильфрес над морской гладью. Он встал на краю, глядя в открытое море и держа книгу в вытянутой руке. Затем он разжал пальцы.

Книга с плеском упала в воду, и Шарль увидел, как на ней образовался толстый слой льда. Ледяной саркофаг пошёл на дно отказываясь ни плавать, ни таять.

Он, улыбаясь, обернулся и увидел, что на него смотрит дуллахан. Улыбка Шарля исчезла, но Беатрис ничего не сказала. Она просто повернулась и пошла прочь.

Два дня спустя Церия стояла в вестибюле, ожидая. Наконец-то прибыл корабль, готовый доставить их в Изрил. Этот континент не был её выбором. Это был первый проходящий мимо корабль, и она должна покинуть Академию вместе с ним.

В вестибюле стоял кое-кто ещё, далеко от полуэльфийки. Фишес, не поднимая головы, сжимал в руках свои немногочисленные пожитки. Книгу заклинаний и небольшую сумку. Церия не сводила с него взгляда, но юноша продолжал смотреть в пол.

Никто не пришел её провожать. Монтресса один раз заглянула к ней в комнату. Беатрис вообще не было видно. Церия видела ещё нескольких студентов, но остальные маги избегали её так же, как и Фишеса.

Вот и всё. Церия оцепенело смотрела на двери и понимала, что время пришло. Она покидала Вистрам неудачницей, не имея при себе ничего, кроме нескольких монет и воспоминаний.

— Подожди.

Это слово застало Церию в тот момент, когда она направлялась к дверям. Исходило оно от высокой фигуры. Когниты. Она подошла к Церии и остановилась перед юной полуэльфийкой. Церия уставилась на голема пустым взглядом, когда та склонила голову.

— Церия Спрингуокер. Я сожалею о смерти Ильфрес и других магов.

— Неужели? — тихо произнесла Церия.

Когнита кивнула.

— Да. Но я была создана, чтобы защищать, и буду исполнять свою миссию.

— В таком случае, я тебя ненавижу. Я буду ненавидеть тебя вечно, и я считаю тебя рабыней. У тебя нет воли. Ты просто вещь, которая иногда притворяется, что живая.

— Это твой выбор.

Когнита приняла слова Церии без малейшего намека на недовольство. Затем она наклонилась к полуэльфийке, пристально вглядываясь в её лицо своими каменными глазами.

— Однако я вижу в тебе нечто достойное. Поэтому я прошу тебя принять то, что произойдёт дальше, и знать, что это знак уважения, а не насмешка.

— Что?

Когнита не ответила. Она подошла к дверям и распахнула их. Церия и Фишес закрыли лица от хлынувшего внутрь солнечного света.

— Шагните вперёд, вы двое. Бок о бок.

Церия нехотя сделала это. Она уставилась на Фишеса, и тот опустил взгляд. Когнита окинула взглядом обоих студентов и повысила голос.

Её слова эхом разнеслись по всему Вистраму. Они не были громкими, она не кричала, но её слова проносились по всем коридорам и комнатам, заставляя магов вставать и подходить к окнам. К тем, кто уже наблюдал за происходящим, начали стягиваться и другие маги, когда Когнита обратилась ко всей Академии:

— Сегодня стены Вистрама покидают два студента. Эти два мага уходят, один – в изгнании, другой – в презрении. По мнению Совета, они уйдут как неудачники. Однако големы Вистрама с этим не согласны.

Она протянула руку. Прикрывая глаза от солнечных лучей, Церия услышала, как Фишес сделал резкий вдох. Она выглянула наружу, на винтовую каменную лестницу, ведущую в гавань, и ахнула.

На лестнице стояли големы. Сотни големов. Каменные, вырезанные похожими на людей или представителей других рас, фигуры оживших доспехов, творения, которые Церия видела лишь раз или два. Голем из чистого изумруда стоял рядом с тем, который, казалось, был сплетён из самого ветра. Рядом с ним стояло создание из дерева, на теле которого росли мох и цветы. Голем держал меч, салютуя.

Голос Когниты снова разлился по залам, и Церия увидела, как на лестницах и мостиках над вестибюлем появляется всё больше учеников и магов. Они смотрели на полуэльфийку, пока голем продолжала говорить. Все смотрели на неё и Фишеса.

— Я – Когнита, величайшее из творений Архимага Зелкира. Пусть я не маг, но я обладаю его полномочиями, которые превосходят все остальные, пока я существую. Таким образом, в моей власти официально выпустить вас двоих в этот день. Церия Спрингуокер, Фишес, вы оба проявили качества истинных магов Вистрама. Ни один из вас не отстаёт от других магов и не позорит имя этого места. Настоящим я объявляю вас обоих полноправными магами академии.

Церия пялилась на голема, с трудом понимая, что происходит. Лицо Фишеса было бледным, пока он смотрел на лестницу. Когнита слегка улыбнулась и пригласила двоих пройти вперёд.

Это было словно сон. Церия медленно стала спускаться по ступеням, пока Фишес шёл рядом с ней. Она смотрела на ряды бесстрастных лиц големов и видела, что они все повернуты к ней. Они смотрели на неё. Словно все они были живыми.

— Големы Вистрама! Поприветствуйте этих юных магов, отправляющихся в открытый мир! Пусть они покидают эти берега, но уходят они отсюда не как ученики, а как настоящие маги!

Шаг за шагом двое спускались всё ниже. У Церии заложило уши, когда она увидела приближающийся корабль. Они остановились лишь раз, оглянувшись в сторону цитадели. Огромные двери были широко распахнуты, и в них стояла фигура высокой каменной женщины. Она подняла руку, и её голос был легко различим для тех, кто стоял внизу.

— Ступайте, Церия Спрингуокер и Фишес. Ступайте с гордостью, как истинные маги Вистрама.

Затем она повернулась, и големы принялись возвращаться в Академию или уходить в море. Церия на мгновение поймала взгляд Фишеса. Затем она отвернулась, взошла на корабль и поплыла прочь из Вистрама.

Таков финал этой истории. Церия с Фишесом несколько дней плыли на корабле в Изрил, редко подавая голос и вообще не разговаривая друг с другом. [Капитан] и матросы, со своей стороны, относились к двум магам с большим уважением. Они видели, как големы стояли в почётном карауле на лестнице за двумя магами... Несомненно, на корабле находились одни из лучших магов Вистрама.

Церия не могла не оценить ироничности этого, но она продолжала думать только о Ильфрес, о Кальвароне, чувствуя, как пустота в ней с каждым днём становится меньше. Не потому, что ей хотелось снова начать чувствовать, а потому, что жизнь продолжалась. Она словно оставила ту часть себя позади, вместе с Вистрамом.

В последний день их путешествия, когда земля уже виднелась на горизонте, полуэльфийка постучала в дверь Фишеса. Юноша впустил её, и она села на стул, а он – на кровать.

— Мне очень жаль, — сказал наконец Фишес, поднимая взгляд.

Церия просто смотрела на него в ответ, пока Фишес снова не уставился в пол. Он ничего не мог сказать, а она ничего не хотела слышать. В конце концов, полуэльфийка высказала то, что было у неё на уме:

— Как только мы достигнем берега, мы разойдёмся в разные стороны. Я больше никогда не хочу видеть твоего лица, понятно?

— Да.

Сверху слышались крики матросов, направлявших корабль к причалу. Фишес поёрзал, вытирая глаза. Церия увидела слезы. У неё они давно кончились.

— Это действительно... это в самом деле было чудесное место, не так ли?

Полуэльфийка уставилась на юношу. Фишес плакал.

— Сначала всё было так, как я мечтал. Там было всё, на что я надеялся. Это было место, где я хотел остаться навсегда. Ради этого стоило ждать. Ради этого стоило отдать всё.

Помедлив, Церия кивнула. Она смотрела сквозь Фишеса, на одно долгое мгновение увидев перед глазами друзей и воспоминания, каменные коридоры, магию, печаль и счастье. Затем она моргнула, и всё исчезло.

— Это действительно была мечта.

Они сидели в тишине, пока качающийся корабль замедлял ход. Наконец двое почувствовали, как судно остановилось. Церия встала, бросив на Фишеса последний взгляд.

— Прощай.

Она пошла прочь, неся рюкзак, наполненный теми немногими вещами, которые у неё были. Церия шла прочь от корабля, который унёс её от её надежды и мечты, шла прочь от юноши, который когда-то был её лучшим другом.

Но Церия никогда этого не забывала. В своих тёмных снах, в минуты, когда она сидела у костра с новыми друзьями; в дни, когда она шла, измученная и уставшая, в поисках места для отдыха, она всегда вспоминала о нём.

Об островке в море. О цитадели из тёмного камня, стоящей в пузыре спокойствия, пока вокруг бушует шторм. О коридорах, полных магии, бесстрастных каменных големах, учениках и магах всех рас. О месте чудес, месте магии.

Она вспоминала место, где живут маги. Дом чародейства.

Вистрам.

Полуэльфийка ушла, затерявшись в ночи. Через мгновение юноша, некромант, также сошел с корабля. Он оглянулся и тоже исчез во тьме ночи.

<http://tl.rulate.ru/book/2954/3312739>